

дискриминаций, которым они подвергались, и тем, кто покинул страну в поисках улучшения своего положения. Тем же, кто укоренился в новой среде и не намерен еще раз менять место жительства, должно быть предоставлено право без каких-либо ограничений поддерживать связь с родными и посещать страну, в которой они родились.

Итак: амнистия — политзаключенным, возможность учиться и работать в соответствии с квалификацией — для всех; решение проблемы эмиграции и вывод из страны иностранных войск — вот основные условия национального примирения и оздоровления политической атмосферы в нашей стране.

Это меры, которые необходимо осуществить в последнем году, отделяющем нас от 20-й годовщины катастрофического для страны события, последствия которого следует преодолеть во что бы то ни стало.

*Представители Хартии 77 —
Ян Литомиский
Либуше Шилганова
Йозеф Возгрызек*

Прага, 15 августа 1987 г.

В газеты:

„Руде право”
„Литерарни листы”
„Праце”
„Юманите”
„Унита”
„Морнинг стар”
„Известия”
редакции радио „Би-Би-Си”

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

На только что закончившейся сессии Верховного Совета РСФСР все депутаты останавливались на одном вопросе: о событиях в Чехословакии. Депутаты единодушно высказались в поддержку пленума ЦК КПСС по этому вопросу, одобрили так же единодушно Варшавское письмо пяти компартий в адрес ЦК КПЧ. Они одобрили и поддержали всю политику партии и правительства по этому вопросу. Если эту политику одобряют коммунисты как образец настоящей марксистско-ленинской политики партии в отношениях между братскими компартиями, то это дело коммунистов, дело их партийной совести.

Но здесь, на сессии, эту политику единодушно одобрили депутаты Верховного Совета РСФСР, которые выражают мнение избирателей, т. е., населения, подавляющая часть которого (в том числе и я) не коммунисты.

Не успели еще „Известия” с сообщениями о работе сессии дойти до всего населения, как уже в следующих номерах началась кампания в поддержку решений, принятых сессией, со стороны „всего населения”, „всех трудящихся”. Я имею на этот счет собственное мнение и хочу воспользоваться правом, гарантированным Конституцией, высказать свое мнение и отношение к этому вопросу.

Я внимательно (насколько это возможно в нашей стране) слежу за событиями в Чехословакии и не могу спокойно и рав-

нодушно относиться к той реакции, которую вызывают эти события в нашей печати. На протяжении полугода наши газеты стремятся дезинформировать общественное мнение нашей страны, и в то же время дезинформировать мировое общественное мнение об отношении нашего народа к этим событиям. Позицию партийного руководства газеты представляют как позицию всего населения — даже единодушную. Стоило только Брежневу навесить на современное развитие Чехословакии ярлыки „происки империализма“, „угроза социализму“, „наступление антисоциалистических элементов“ и т. п. — и тут же вся пресса, все резолюции дружным хором подхватили эти же выражения, хотя наш народ сегодня, как и полгода назад, ничего по существу не знает о настоящем положении дел в Чехословакии. Письма трудящихся в газеты и резолюции массовых митингов — лишь повторение готовых, данных „сверху“ формул, а не выражение самостоятельного мнения, основанного на знании конкретных фактов. И вслед за партийным руководством послушные голоса повторяют: „Решительная борьба за сохранение социалистического строя в Чехословакии — это задача не только чехословацких коммунистов, но и наша общая задача“; „Я поддерживаю выводы Пленума о необходимости борьбы за дело социализма в Чехословакии“ и т. п. („Известия“, № 168).

Авторы этих писем и заявлений, наверное, даже не задумались над тем, почему решения о борьбе за социализм в Чехословакии принимаются Пленумом ЦК КПСС; о том, что наше обращение к „здоровым силам“ Чехословакии — это, может быть, обращение к антигосударственным элементам, подстрекательство их к вооруженному выступлению против своего законного правительства; о том, что слова „это наша задача“ могут обозначать как минимум политическое давление на суверенную страну, а как максимум — возможность интервенции наших войск в ЧССР. Наверное, авторы этих писем, одобряя политику ЦК КПСС, не задумались также и о том, что она поразительно напоминает сто раз разоблаченную в нашей печати политику, например, США в отношении Доминиканской республики.

Основываясь на статьях в чехословацкой прессе, на сооб-

щениях по западному радио и немногочисленных фактах, приводимых в нашей печати, я думаю, что в ЧССР происходит естественное развитие здорового общества: борьба идей и мнений, свобода критики, попытка воплотить на практике декларируемые идеалы социализма, до сих пор существовавшие повсюду в виде лозунгов и отдаленных перспектив. Поэтому Варшавское письмо пяти компартий и решения Пленума ЦК КПСС, единодушно поддержанные нашей печатью, вызвали у меня возмущение и стыд. Столько у нас говорилось о том, что каждый народ должен сам решать свою судьбу — так почему же судьбу чехов и словаков решают не в Праге, а в Варшаве или Москве? Почему Брежнев или Ульбрихт думают, что они лучше могут оценить обстановку в Чехословакии, чем Дубчек, чем сами чехи и словаки?

Я не верю ни в мифические заговоры империализма против ЧССР, ни в „наступление сил внутренней реакции“. Я думаю, что в эти мифы не верят и сами сочинители их. Обвинительные формулировки придуманы для приличия и для затуманивания мозгов своих граждан.

Беспокоит ли на самом деле наших руководителей то, что происходит в ЧССР? По-моему, не просто беспокоит, но и пугает — но не потому, что это угроза социалистическому развитию или безопасности стран Варшавского содружества, а потому, что события в ЧССР могут подорвать авторитет руководителей этих стран и дискредитировать сами принципы и методы руководства, господствующие сейчас в социалистическом лагере.

Вот уж, кажется, что может быть ужаснее и безобразнее китайского коммунизма? Наши газеты ежедневно разоблачают китайский кровавый террор, развал хозяйства, теоретические ошибки КПК и т. п. Китайские руководители не остаются в долгу. Не может быть и речи о содружестве недавних братьев — великих народов. Однако, ни на каких совещаниях, ни на каких Пленумах ЦК КПСС не принимались решения о необходимости защитить дело социализма в Китае, не говорилось об ответственности братских партий перед собственными народами и народами Китая, уже несколько лет утопающими в крови. Действительно, компартия Китая не выпустила бразды прав-

ления из своих рук — так что же, от этого результаты ее правления лучше, чем перспективы свободного, демократического развития ЧССР? Открытая враждебность КПК к нашей стране лучше, чем дружеские отношения нынешнего чехословацкого правительства? Но наши руководители не попрекают китайское руководство тем, что мы освободили их от японского империализма, и не претендуют на этом основании на роль защитников китайского народа от внутренней реакции. Мы не взываем к „здоровым силам” и к „верным коммунистам” в Китае и не обещаем им, „... что коммунисты, все советские люди, выполняя свой интернациональный долг, окажут им всемерную помощь и поддержку!” (Н. В. Подгорный. Выступление на третьей сессии Верховного Совета РСФСР 19 июля 1968 г., газета „Известия”, № 168). — Хотя, вероятно, китайские братья, уничтожаемые физически, нуждаются в этой помощи куда больше, чем „верные коммунисты” ЧССР, где они не только в безопасности и на свободе, но пользуются той же свободой слова, как и все граждане. Наши руководители занимают в отношении Китая позицию сторонних наблюдателей — и секретарь парткома В. Прокопенко, бригадир Ахмадеев, кандидат наук Аптосенков („Известия”, № 168) единодушно не проявляют инициативы во „всемерной” помощи китайскому народу. Неужели кровавый террор, развязанный ЦК КПК против собственного народа, меньше взывает к коллективной ответственности, чем принципиально мирное развитие демократии в Чехословакии? Как объяснить такую противоречивую реакцию?

Во-первых, по-моему, дело в том, что с Китаем мы не решаемся разговаривать с позиции силы; а с Чехословакией — по привычке — позволяем себе начальственные окрики.

Не менее важно то, что внутренняя политика Китая, несмотря на его враждебность по отношению к КПСС, не подрыывает, а скорее укрепляет позиции ЦК КПСС внутри своей страны: „В Китае происходят публичные казни — а у нас нет!” — ликует наша пресса (см. „Ответ читателю” Чаковского в „Литературной газете”). По сравнению с режимом в Китае наш нынешний режим — не террор, а всего лишь зажим, почти либеральный, почти как в XIX веке. А вот если Чехословакия действительно сумеет организовать у себя демократический социа-

лизм — тогда, пожалуй, не будет оправданий отсутствию демократических свобод в нашей стране; тогда, чего доброго, и наши рабочие, крестьяне и интеллигенция захотят свободы слова на практике, а не на бумаге.

Вот про это по-настоящему и говорится в Варшавском письме — „не можем допустить”; а вовсе не про мифическую угрозу социализму в Чехословакии.

Наши руководители забеспокоились о „верных коммунистах”, которых будто бы оклеветали, подвергли „моральному террору” чехословацкие антисоциалисты, захватившие в свои руки средства пропаганды (можно подумать, что в Праге произошел вооруженный захват почты, телеграфа и радио). Почему-то забывают при этом отметить, что эти коммунисты сами имеют возможность публично выступить с опровержениями клеветы. Правда, оправдания, например, д-ра Урвалека, бывшего Председателя Верховного Суда ЧССР, звучат неубедительно — но причем тут антисоциалисты? Он сказал все, что хотел и что мог сказать. Понятно, почему наши руководители спешат заступиться за таких как Урвалек или Новотный: прецедент личной ответственности партийных и государственных деятелей перед народом опасен и заразителен. А вдруг и нашим придется отчитываться в деяниях, которые стыдливо называют „ошибками”, „перегибами” или еще мягче и туманнее — „перехитрыми трудностями героического прошлого” (когда речь идет о миллионах несправедливо осужденных и убитых, о пытках в застенках КГБ, об объявлении врагами целых народов, о развале сельского хозяйства страны и о тому подобных МЕЛЮЧАХ).

Сегодня чехи и словаки спрашивают с Урвалека и с Новотного — а завтра, пожалуй, наш многонациональный народ задаст вопрос самому Брежневу: „А чем вы занимались до ... 1953 года?” — и до выяснения этого временно отстранит его от занимаемого поста...

В Варшавском письме к КПЧ пять партий ультимативно предлагают использовать для борьбы с „антисоциалистическими” силами все средства, имеющиеся в арсенале социалистических государств. Жаль только, что братские партии не уточнили, не конкретизировали, что это за средства: Колыма?

Норильск? Хунвейбины? „Открытые” суды? Политические концлагеря и тюрьмы? Или всего-навсего обыкновенная цензура, внесудебные расправы в роде увольнений со службы?

И при создавшемся положении мы еще обижаемся, что в Чехословакии потребовали вывода советских войск со своей территории! Да ведь после наших заявлений и резолюций наши воинские части на территории ЧССР — это уже не войска союзного государства, а угроза суверенитету страны.

В этом своем письме я хочу не только высказать свое собственное отношение к событиям, отличающееся от „единодушной” поддержки решений Пленума ЦК КПСС. Газетная кампания последней недели вызывает у меня опасения — не является ли она подготовкой к интервенции под любым предлогом, который подвернется или будет создан искусственно.

Авторам писем, участникам митингов и собраний в поддержку политики ЦК КПСС мне хотелось бы напомнить, что все так называемые „ошибки” и „перегибы” в истории нашей страны происходили под бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию, под клики единодушного одобрения наших высокосоциальных граждан. Послушание, как выяснилось, не самая ценная гражданская добродетель.

И еще мне хотелось бы напомнить о более древних исторических событиях: как доблестная русская армия, освободив народы Европы от Наполеона, столь же доблестно утопила в крови польское восстание. Тогда русский герой войны 1812 г. Давыдов больше гордился своими подвигами в расправе над польскими патриотами, чем своими подвигами в Отечественной войне.

Мне стыдно за свою страну, которая снова выступает в позорной роли жандарма Европы.

Мне было бы стыдно и за мой народ, если бы я верил, что он действительно единодушно поддерживает политику ЦК КПСС и правительства по отношению к Чехословакии. Но я уверен, что на самом деле это не так, что мое письмо — не единственное, только такие письма не публикуются у нас. Единодушные наших граждан и в этом случае фикция, создаваемая искусственно, путем нарушения той самой свободы слова, которая осуществляется в ЧССР.

Но если бы я оказался даже один с этим своим мнением, я и тогда не отказался бы от него. Потому что мне его подсказала моя совесть. А совесть, по-моему, надежнее, чем постоянно испытывающая перегибы линия ЦК и чем решения различных сессий, принимаемые в соответствии с колебаниями этой генеральной линии.

Прошу вас принять мое уважение и сочувствие процессу демократизации в вашей стране.

*СССР, г. Александров Владимирской обл.,
ул. Новинская, д. 27. Марченко А. Т.*

22 июля 1968